

Дорогие братья и сестры!

Тема «Народ Божий в XXI веке» мне кажется параллельной предмету моей только что изданной книги, а именно *соборности*. Эта книга настолько новая, что к моменту моего приезда в Россию неделю назад я получил из типографии только один экземпляр.

Эта книга началась с одной небольшой беседы, проведенной мной где-то для нескольких человек, и предложения одного присутствовавшего там англичанина, чтобы я написал об этом книгу. Без всякой уверенности в том, что книга получится, я начал делать заметки и проводить исследования. С некоторым удивлением я обнаружил, что об этом предмете не так много написано, хотя слово это широко используется в православных кругах. Есть, конечно, работы славянофилов – Киреевского, Аксакова, Хомякова – и отсылки на них у Соловьева, Бердяева, Николая Лосского, Зеньковского, Булгакова и др. в контексте обсуждения ими русской мысли. Из книг, посвященных именно соборности в недавние времена, я нашел только англоязычную «Соборность» Екатерины де Гук-Догерти, основательницы «Дома Мадонны». Это маленькая благочестивая книга, безусловно ценная, но у меня была идея написать нечто иное.

Есть, как мне кажется, одна такая общая идея о соборности как выражении того, что у нас есть церковные соборы, на них люди соглашаются, и они становятся руководящим органом Православной Церкви. Возможно, это и так, но не полно, и, похоже, это не самая существенная идея. Один американский священник, написавший рецензию на мою книгу, или, вернее, введение к той рецензии, которую он еще напишет, говорит, что церковь – это не только епископы, не только священники и не только миряне, а все они, трудящиеся вместе, и это и есть соборность. Еще он говорит, что в своем пасторском опыте он не часто (если вообще) встречался с этим, и поэтому он приветствует эту книгу. Это как раз часть того, что я пытался написать. Что ж, я, пожалуй, сделаю краткий обзор того, что эта маленькая книга (кстати, она называется «Жизнь вместе») пытается выразить, что я пытался выразить.

В ней две части. В первой, в восемнадцати коротких разделах приводятся размышления над концепцией соборности, начиная с «Символа веры». В нем славянское слово «соборная» стоит на месте греческого слова «кафолики». Церковь – «собранный». Затем – мысль славянофилов – Аксакова, Хомякова, Киреевского и других – которым казалось, что здравый

смысл русских сельских общин предложил верный путь между индивидуализмом и коллективизмом, избравшимися обществом в их время. Затем понятие соборности использовалось более поздними философами. Для Булгакова – это «я, укорененное в *мы*». Для Соловьева – это принцип единства, способный соединить все христианские церкви и все соперничающие идеи.

Конечно, ясно, что все это глубоко выражено в 17-й главе Евангелия от Иоанна, не так ли? Поэтому размышления о соборности представляют собой раскрытие и углубление того, что уже присутствует в наследии Церкви.

Вместе с тем, это идеальное единство кажется скорее зовом из будущего, чем нашим современным опытом. Иногда православное использование соборности и других высоких слов (как теозис и др.) напоминает мне попытки Санчо Пансы убедить Дон Кихота, что молочница – это и есть его возлюбленная Дульсинея. А он просто не мог этого увидеть. Не можем и мы... Поэтому прежде всего необходимо отбросить иллюзии. «Бог по Своей милости не позволит нам жить в мире мечты», – сказал Дитрих Бонхоффер.

Однако мы можем увидеть некоторые течения в познании соборности, показывающие нам, что это не только мечта или зов из будущего. Я имею в виду работы Марии Скобцовой и параллельное им учение Чарльза Уильямса о взаимопроникновении, точнее о практике взаимопроникновения в несении тягот других людей, а еще я говорю о выражении Антуана Аржаковского «экуменизм дружбы» и практике этого в экуменическом центре во Львове. Книжка очень короткая, и издатели выбросили из нее довольно много..., может быть и мудро... Мне было жалко потерять ссылки на Льюиса Кэрролла и Людвиг Витгенштейна, но осталось достаточно, так что этот обзор первой части, даже не очень полный, может дать представление о ней.

Во второй части я говорю о трех путях того, что мне кажется практической соборностью, углублением ее присутствия в нашей жизни и посреди нас. На самом деле, это те темы, которые те из вас, кому случилось (не скажу – посчастливилось) слышать мои выступления в Москве, несомненно узнают.

Это – видение. Дополнительность. Миссия как диалог, укорененный в молитве. Под видением как одной из практик соборности мы понимаем переход от внутреннего «созерцания» монашеской традиции (греч. непсис) к вниманию к делам Божиим в мире и к

Иисусу, присутствующему в мире и грядущему в него. Это возвращает нас к первоначальной заповеди Иисуса «наблюдайте». В некотором смысле это реформа, сравнимая с литургическим обновлением, но в этом случае речь идет об обновлении духовности. Здесь я привожу примеры из Тейяра, Шмемана, Булгакова...

Дополнительность – это принцип, развитый Нильсом Бором, начавшийся с открытия, что свет может проявляться как частица или как волна в зависимости от типа используемого эксперимента. Эти взаимоисключающие описания оказываются одновременно истинными. У Бора это становится основой для всего видения жизни как союза противоположностей, а я в серии из 30 коротких медитаций развиваю это как принцип единства христиан (как и всего остального). Богословия, проявляющиеся как взаимоисключающие описания, могут примиряться в принципе дополнительности, и предлагаю это как дисциплину, как практический путь, как путь соборности.

В-третьих, миссия становится практикой соборности, когда она видится не как говорение без слушания, а как совместное движение по пути ко Христу (этому созвучна недавно изданная по-русски книга Дэвида Смита «На пути в Эммаус»). Но не теряем ли мы границы, если верующий слушает неверующего в той же степени, как и говорит? Здесь мы вспоминаем, что атмосферой миссии является молитва, и она же гарантирует легитимность миссии. Все мы, люди, подобны бесконечно различным радиусам колеса, устремленным к единому центру и обнаруживающим наше единство в этом путешествии-миссии и молитве.

Вот вкратце такова моя книга и мои предложения о некоторых возможных векторах движения Церкви в наступающее время. Я верю, что единство, соборность, если хотите, это то, что Дух сейчас говорит церквям. И миру тоже. Отец Александр Мень выразил это так: «Можем ли мы, такие разные, научиться жить вместе? Природа Вселенной и, как сказали бы христиане, Провидение ответили на этот вопрос с ужасающей истиной: если не сможем, то несомненно погибнем».

Во всяком случае, я предлагаю размышления о единстве, о путях соборности как задаче для народа Божьего в это время...